

Царево сердце.

(Разказъ-быль) ¹⁾.

I.

Въ одномъ изъ невзрачныхъ уѣздныхъ городишекъ, разбросанныхъ рѣдкими точками по раздольнымъ степямъ Самарскимъ, жилъ старичекъ, несшій на своихъ плечахъ семьдесятъ съ залишкомъ лѣтъ; звали его Никономъ Павловичемъ, а у обывателей онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ „сѣденькаго миротворца“, каковое прозвище было дано ему за его мягкій характеръ и отзывчивую душу.

Богъ вѣсть, съ какихъ поръ онъ проживалъ тутъ въ должности станціоннаго смотрителя, доля котораго въ старину была суровая: ѣдетъ „большой“ чиновникъ—изволь быть на-вытяжку, а не то распушить до оскорбленія; остановится пьяный купчина и начинать ломаться, ругаться и норовить такъ ни съ того ни съ сего въ ухо заѣхать,—поди, ищи съ него... Словомъ, смотрительская персона представляла собой нѣчто обреченное на поруганіе. Но Никонъ Павловичъ, благодаря мягкости и обходительности, какъ-то умѣлъ ладить съ „будоражными“ проѣзжими, и они уносили въ своемъ сердцѣ добрыя о немъ воспоминанія.

Жилъ Никонъ Павловичъ бобылемъ; жену свою схоронилъ онъ

¹⁾ Этотъ разказъ я слышалъ отъ одного почтеннаго гражданина города Вугульмы, Самарской губ., который лично зналъ героя разказа—„сѣденькаго миротворца“, подѣлившагося съ нимъ безхитрымъ сказаніемъ о своей скорбной жизни и тяжеломъ странствіи въ Царское Село.

Авторъ.

ужь, почитай, лѣтъ съ двадцать и послѣ этой утраты сосредоточилъ всѣ свои заботы на пятилѣтней дочкѣ Лизѣ, отдавая ей воспитанію всѣ досуги, умѣнье и средства. Стукнуло Лизѣ 18 лѣтъ, и Никонъ Павловичъ выдалъ ее за маленькаго чиновника изъ мѣстнаго казначейства.

Почувствовавъ одиночество, Никонъ Павловичъ затосковалъ до болѣзненности, особенно на первыхъ порахъ, когда въ его крохотной квартиркѣ все такъ живо напоминало о недавнемъ пребываніи Лизы—этого ангела-утѣшителя въ его трудовой жизни. Придетъ Лиза, начнетъ утѣшать своего старичка, а онъ молча гладитъ ее по головкѣ, да изрѣдка украдкой сбрасываетъ непослушную слезу.

II.

Прошли долгіе годы. Никонъ Павловичъ примирился со своимъ одиночествомъ, но зато не могъ смотрѣть безъ сердечныхъ мукъ на жизнь Лизы, жизнь полную тревогъ изъ-за копейки для завтрашняго дня.

Мужъ Лизы все сидѣлъ на пятнадцати-рублевомъ жалованьи, надежды на движеніе впередъ не видѣлось, а между тѣмъ трое малютокъ лежали непосильнымъ бременемъ на его скудныхъ достаткахъ. Жизнь шла впроголодь... Выбиваясь изъ силъ, онъ старался заслужить вниманіе начальства, но, зная, „планида такая несчастная надъ нимъ висѣла“, какъ выражался о немъ Никонъ Павловичъ, и какъ лѣтъ 12 тому назадъ онъ сѣлъ на писарскій стулъ, да такъ и застылъ на немъ, словно его тутъ приморозили. Любилъ онъ семью до полнаго самоотверженія и для нея отказывалъ себѣ рѣшительно во всемъ: платье носилъ съ цѣлою сѣтью заплатокъ и ровно никакого вниманія не обращалъ на то, что пальцы предательски выглядывали изъ дырявыхъ сапогъ. И лѣтомъ, и зимой онъ ходилъ въ одной и той же стародавней хламидинѣ, и хотя ему приходилось отъ стужи выбивать зубами барабанную дробь, однако, молодой организмъ до поры до времени выходилъ побѣдителемъ изъ этой суровой борьбы съ неумолимой стихіей. Но, наконецъ, силы его изсякли, и онъ въ борьбѣ не устоялъ: позднею осенью простудившись, онъ на вѣки угасъ, оставивъ своей Лизѣ въ наслѣдіе лишь вѣру въ Бога и Царя, что они не дадутъ погибнуть сиротамъ труженика, долгіе годы боровшагося съ злосчастьемъ на службѣ царской.

III.

Тихая квартирка Никона Павловича оживилась... Дѣтскіе голоса трещали весело и безъ умолку, а между тѣмъ ихъ дѣда и мать

угнетали скорбныя думы. Но какъ бы то ни было, все-таки жизнь сиротъ у дѣда сложилась сносно... Къ дѣдовскому заработку изрѣдка прибавлялись вещественные отълики добрыхъ людей, къ слову сказать, страшно терзавшіе самолюбіе старика. Скрѣпя сердце, онъ мирился съ такимъ безотраднымъ положеніемъ, но передъ нимъ, какъ грозный призракъ, стоялъ неотступно одинъ и тотъ же вопросъ: что будетъ съ сиротами, когда погаснетъ его послѣдній день? Разрѣшая этотъ мучительный вопросъ, Никонъ Павловичъ задумалъ обратиться съ просьбой о назначеніи сиротамъ пенсіи за службу отца, хотя и зналъ, что, за невыслугой надлежащаго срока, нѣтъ къ тому законныхъ основаній.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ пенсіи отказали, а выдали единовременно какія-то крохи, которыя ушли на подновленіе одежды, настойчиво о томъ напоминавшей своею истрепанностью.

Никонъ Павловичъ все же не упалъ духомъ, а по совѣту мѣстнаго благочиннаго написалъ прошеніе на Высочайшее имя только-что воцарившагося Государя Императора Александра II.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ канцеляріи изъ Петербурга получился отвѣтъ, что, на основаніи такихъ-то статей, просьба не можетъ быть уважена.

— Пиши Государынѣ, женское сердце къ горю отзывчиво...— опять натолкнулъ на новую мысль благочинный старика.

Опять полетѣла „слезница“ и опять тотъ же канцелярскій отвѣтъ.

Всѣ эти неудачи какъ-будто даже озлобили Никона Павловича.

— Нѣтъ, это тово... Это—штука чиновниковъ... Они самовольничаютъ... Батюшкѣ Царю мою бумагу не доложили... Вотъ возьму, да и самъ къ нему пойду, упаду въ ноги... Онъ выслушаетъ, онъ—отецъ нашъ!...

Повидимому, старикъ такъ съ горя сбрехнулъ, а оказалось, что эта мысль гвоздемъ засѣла ему въ голову, и онъ твердо рѣшилъ ее осуществить, несмотря на отговоры знакомыхъ, заподозрившихъ, что не „свихнулся ли“ бѣдняга, ежели задумалъ такую небывальщину...

Больше объ этомъ Никонъ Павловичъ ужъ ни съ кѣмъ не говорилъ, а взялъ отпускъ, обставилъ кое-какъ семью на время своего отсутствія и отправился въ далекій и трудный путь.

IV.

О подробностяхъ странствія Никона Павловича до Царскаго Села сказаніе умалчиваетъ. Извѣстно лишь, что мѣстами его под-

возили попутные ямщики, по Волгѣ плыль на расшивѣ и по силѣ возможности тянулъ съ бурлаками лямку, по чугункѣ не сумѣлъ добыть дарового билета и отъ Москвы отмахалъ путь по шпаламъ.

Въ Царскомъ Селѣ, гдѣ жила въ это время Государева семья, Никонъ Павловичъ приютился у старушки—вдовы придворнаго истопника, оказавшейся столь сердобольной, что, прослушавъ грустную повѣсть своего постояльца, она всячески старалась помочь въ его домогательствахъ.

— Ты, батюшка, принарядься завтра утрышкомъ, да и иди въ царскій садъ. Тамъ свободно, не зряшнихъ-то пуцаютъ. Государь кажное утро тамъ гуляетъ. Какъ увидишь его, батюшку, сейчасъ упади на колѣни, а бумагу-то на головѣ держи... Такъ поучала истопничиха, словно дворцовые порядки были ей извѣстны до точности.

На утро Никонъ Павловичъ одѣлся въ смотрительскій сюртучишко и, напутствуемый добрыми пожеланіями истопничихи, отправился по ея указанію.

Что почувствовалъ Никонъ Павловичъ, не поддается описанію, когда на изгибѣ одной аллеи онъ почти лицомъ къ лицу встрѣтился съ Государемъ. Разомъ силы его покинули, ноги подкосилась, и онъ, обнаживъ голову, упалъ на колѣни.

— Что тебѣ, старичекъ, надо?—мягко спросилъ Государь.

Никонъ Павловичъ сѣлся отвѣтить, но языкъ не повиновался,—вылетали какіе-то несвязные членораздѣльные звуки, да руки безтолково ходили по карманамъ въ поискахъ предательски пропавшаго прошенія, которое между тѣмъ лежало въ валявшейся на землѣ фуражкѣ.

— Бумагу ищешь? Да это не она ли? И Государь, наклонившись, самъ взялъ прошеніе, въ которомъ все дѣло было изложено до мельчайшихъ подробностей.

Никонъ Павловичъ, несмотря на предложеніе Государя встать, стоялъ на колѣняхъ все время, пока онъ читалъ прошеніе.

— Что же я могу сдѣлать?—проговорилъ Государь. Законъ не велить, а мнѣ тѣмъ болѣе нельзя нарушать его... Но, впрочемъ, я подумаю... Иди съ Богомъ и подожди нѣсколько дней. Ну, встань же, да расскажи, какъ ты сюда добрался?

Никонъ Павловичъ всталъ и, видя такое теплое отношеніе Государя, ободрился и рассказалъ о своемъ многотрудномъ странствіи. Не разъ вздохъ вырывался изъ груди Государя.

— Ну, такъ иди же съ Богомъ...

Никонъ Павловичъ схватилъ руку Государя, поцѣловалъ и съ чисто-юношескою поспѣшностью зашагалъ изъ сада.

Нечего и говорить о томъ, съ какимъ сіяющимъ лицомъ во-
рвался онъ въ свою квартирку и, не говоря ни слова, началъ цѣ-
ловать и руки, и морщинистыя щеки, и голову растерявшейся
истопничихи.

— Что ты, батюшка?.. Что съ тобой?.. Инда измялъ всю!—ле-
петала, улыбаясь, истопничиха, догадавшаяся о благополучномъ
исходѣ дѣла своего постояльца.

Восторженно рассказалъ Никонъ Павловичъ о своей встрѣчѣ съ
Государемъ. Истопничиха только „ахала“ да всплескивала руками,
дивясь необычайной простотѣ обращенія Государя и отзывчивости
Царя сердца.

V.

Прошло три дня, въ теченіе которыхъ у Никона Павловича съ
истопничихой не было никакого другого разговора, какъ только на
неувядаемую тему о встрѣчѣ съ Государемъ. Они обсуждали каж-
дое его слово, строили разныя предположенія и въ концѣ концовъ
рѣшили, что все въ совокупности является знаменіемъ удачи. Дѣй-
ствительно, ихъ соображеніе скоро оправдалось.

На четвертый день, утромъ, къ истопничихиной хибаркѣ подъ-
ѣхала придворная карета, а черезъ минуту вошелъ „гербовый“ ла-
кей и доложилъ, что Никона Павловича требуютъ во дворець.

Истопничиха и Никонъ Павловичъ стояли словно застывшіе и
довольно неумно „пучили очи“ на пришельца.

— Пожалуйте сейчасъ же, карета васъ ждетъ—проговорилъ
вѣжливо лакей

Истопничиха первая вышла изъ оцѣпенѣнія и, толкнувъ совсѣмъ
безцеремонно въ бокъ своего постояльца, проговорила: что же ты,
батюшка, столбомъ-то стоишь? Одѣвайся скорѣе, видишь—ждуть...

Никонъ Павловичъ засуетился и при помощи старушки скоро
оказался въ „полномъ парадѣ“ и вышелъ на улицу.

Лакей отворилъ дверцы кареты, Никонъ Павловичъ неуклюже
нырнулъ въ нее, и карета тронулась.

У дворцоваго подъѣзда Никона Павловича встрѣтилъ какой-то
чиновникъ и со словами „пожалуйте за мною“ повелъ его во дво-
рець. Миновавъ цѣлую амфиладу комнатъ, поражающихъ роскошью
и какою-то величественною тишиною, чиновникъ указалъ Никону
Павловичу затворенную дверь и, веля войти въ нее, быстро заша-
галъ назадъ.

VI.

Съ замираніемъ сердца, дрожащею рукой Никонъ Павловичъ
началъ вертѣть затѣйливую дверную ручку, но дверь не повинова-

лась; онъ сдѣлалъ нѣсколько такихъ неудачныхъ поворотовъ, когда ручку повернули извнутри. Дверь отворилась, и Никонъ Павловичъ очутился передъ Государемъ.

— А-а!.. Это ты, старина!.. Иди-ка сюда — весело проговорилъ Государь.

Опять ноги измѣнили Никону Павловичу: онъ палъ на колѣни.

— Вставай, вставай!.. ты вѣдь теперь у меня въ гостяхъ... садись... И Государь, взявъ за плечи старика, усадилъ его въ кресло.

Никонъ Павловичъ и секунды, кажется, не усидѣлъ и мгновенно всталъ.

— Э—э!.. да ты, видно, не хочешь сидѣть у меня... Ну, такъ пойдёмъ къ Государынѣ,—она хочетъ тебя видѣть. И, взявъ со стола конвертъ, Государь подалъ его Никону Павловичу со словами: возьми, это на дорогу тебѣ пригодится...

Никонъ Павловичъ принялъ конвертъ, поцѣловалъ государеву руку и, по его мановенію, послѣдовалъ за великимъ хозяиномъ.

VII.

Они вошли въ комнату, въ которой за чайнымъ столомъ сидѣла вся государева семья.

Государь не успѣлъ выговорить и слова, какъ Никонъ Павловичъ ринулся къ Государынѣ, упалъ передъ нею на колѣни и громко проговорилъ: Царица-матушка, позволь мнѣ, старичишкѣ, поцѣловать твою руку... И, не дождавшись отвѣта, взялъ ея руку, поцѣловалъ, оросивъ ее слезами благоговѣнія.

— Ужъ позволь, царица-матушка, и у дѣточекъ твоихъ ручки расцѣловать?

— Ну, ступай, цѣлуй—улыбаясь, проговорилъ Государь.

Пока Никонъ Павловичъ обходилъ вокругъ стола и, что-то бормоча себѣ подъ носъ, раздавалъ свои поцѣлуи безъ исключенія всѣмъ сидящимъ, Государь рассказывалъ своей супругѣ что-то на непонятномъ Никону Павловичу языкѣ. Видно было, что она близко принимала къ сердцу государевы рѣчи,—не даромъ вздохи вырывались изъ ея груди.

— Теперь слушай, старина — серьезно заговорилъ Государь, близко подойдя къ Никону Павловичу. О твоей дочкѣ и внучкахъ мы съ Государыней позаботимся. Поѣзжай домой, успокойся самъ и утѣшь ихъ. Да смотри, ужъ по шпаламъ не маршируй... Вотъ и Государыня кое-что тебѣ на дорогу приготовила.

Государыня вручила Никону Павловичу такой же конвертъ.

— Теперь прощай!.. Поѣзжай домой и поцѣлуй отъ насъ своихъ внучатъ.

Никонъ Павловичъ отвѣсилъ низкій поклонъ, перекрестился и, сопутствуя Государю, вышелъ опять въ тѣ же комнаты, гдѣ Государь еще разъ сказалъ ему „прощай“, а поджидавшій тотъ же чиновникъ вывелъ его на крыльцо. Подкатила карета и доставила его до истопничихиной хибарки.

VIII.

Еще въ дверь не успѣлъ войти Никонъ Павловичъ, какъ сердобольная старушка просто засыпала его вопросами: „что?.. какъ?.. видѣлъ ли Государя?.. а Государыню? и т. д.“.

Никонъ Павловичъ отъ пережитыхъ волненій словно развалился по всѣмъ швамъ, утомленно опустился на стулъ и медленно, тихо началъ:

— Да, матушка, пораженъ!.. Не ожидалъ... Такая милость, такое вниманіе къ этакому, можно сказать, червяку... Воистину, онъ—отецъ земли русской, защитникъ угнетенныхъ, утѣшитель несчастныхъ... Вотъ видишь, чье это? Самъ Государь и сама матушка-царица своими руками дали мнѣ!..

Онъ смолкъ и дрожащими руками вскрылъ конверты: въ нихъ лежало по сту рублей.

Пробылъ въ Царскомъ Селѣ Никонъ Павловичъ еще около двухъ дней и, задумчиво простившись съ дорогой старушкой, отправился въ свое родное гнѣздо.

IX.

Нечего и говорить о томъ, съ какою радостію встрѣтили сироты своего кормильца и заступника, съ какимъ восторгомъ они разсматривали дѣдовскія покупки, которыя онъ называлъ „царскими подарками“.

Нечего и о томъ говорить, что „сѣденькій миротворецъ“ былъ предметомъ вниманія всего городишка: его зазывали въ гости, останавливали на всѣхъ перекресткахъ, и всюду онъ вынужденъ былъ рассказывать о своемъ необычайномъ странствованіи. Словомъ, Никонъ Павловичъ сталъ „героемъ“, передъ несокрушимой волей духа котораго преклонялся каждый обыватель.

X.

Прошло около четырехъ мѣсяцевъ со времени возвращенія Никона Павловича восвояси, а объ исходѣ дѣла его все еще не было

ни слуху, ни духу. Онъ кое-гдѣ наводилъ справки, но тщетно: никто ничего не зналъ...

Но вотъ, ожиданіямъ его настала конецъ... Однажды, поздно вечеромъ, въ квартиру его кто-то постучалъ.

Никонъ Павловичъ отперъ дверь, и въ комнату вошелъ предводитель дворянства. Молча онъ вынулъ изъ кармана бумагу и громко прочиталъ о дарованной семьѣ „сѣденькаго миротворца“ царской милости: вдовѣ съ трехлѣтней дочерью назначалась пенсія, девятилѣтняго сынишку повелѣно помѣстить на казенный счетъ въ кадетскій корпусъ, а старшую годомъ дочь—на такомъ же основаніи въ одинъ изъ институтовъ.

Благоговѣйная молитва и слезы радости завершили эту благодатную вѣсть.

Для сиротъ наступили свѣтлые дни!

С. И. Слостниковъ.

